

На правах рукописи

Чирков Александр Николаевич

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

09.00.11 - Социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Пятигорск – 2003

Работа выполнена в Пятигорском государственном технологическом
университете

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Хапчаев Исмаил Абуевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Пржиленский Владимир Игоревич

доктор философских наук, доцент
Антюхина Алла Валентиновна

Ведущая организация: **Карачаево-Черкесский государственный
технологический институт**

Защита состоится 28 ноября 2003 г. в 11.00 часов на заседании
диссертационного совета КР 212. 194. 26 в Пятигорском государственном
технологическом университете по адресу: 357502, Ставропольский край,
г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56, ауд. 120.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пятигорского
государственного технологического университета по адресу: г. Пятигорск,
пр. 40 лет Октября, 56. корп. 1.

Автореферат разослан 28 октября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

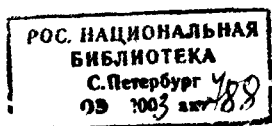
Н.Г. Бондаренко

2003-А
19682

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Обращение к проблеме социальных функций знания приобретает актуальность в связи с тремя обстоятельствами. До сих пор считалось, что функции знания универсальны: для всех обществ значение знания является одинаковым, различается лишь его количество. Пришло время рассмотреть этот тезис в рамках цивилизационного подхода, когда в качестве рабочей гипотезы предполагается возможность различия функций знания в различных обществах. Требуется проверка данного тезиса и теория современного общества, согласно которой при всем многообразии исторических форм социального опыта именно сегодня формируется новый тип социальности. Третьим обстоятельством здесь выступает изменение самой социальной теории, предлагающей иные модели и подходы для объяснения процессов и явлений общественной жизни. Поэтому проблема обретения социальными функциями знания нового качества становится одной из центральных тем социальной философии.

Необходимость исследования одной из наиболее значимых компонент социальной жизни - системы продуцирования и репродуцирования общественно полезного знания - вызвана как запросами социальной практики, так и соображениями теоретического характера. Долгое время считалось, что познание общественно-исторических закономерностей и проникновение в сущность человеческой природы - абсолютная ценность, не нуждающаяся в дополнительном обосновании. Сегодня же мы задаемся вопросом о том, что такое знание с точки зрения возможных последствий его применения. Сколь не стремилось бы познание к идеалам чистого разума, никакая объективность не сделает знание абсолютно независимым от ценности.

Несмотря на сложившиеся устойчивые стереотипы по поводу роли науки в жизни общества, эти последние подвергаются сегодня критике со стороны антисциентистов и постмодернистов. Современные теоретики столкнулись с дефицитом общественной поддержки, столь традиционной для общества со времен эпохи Просвещения. Чтобы убедить общественное мнение в ключевой роли научного метода, в особом эпистемологическом статусе науки, необходимо подвергнуть анализу и осмыслению социальные функции науки в новых условиях.

В дополнительном осмыслении нуждается также проблема объективности знания и его гуманистической ценности. Без соответствующей философской рефлексии невозможно получить искомую поддержку власти и общественности, дать надежные ориентиры в политическом, экономическом и культурном развитии как в настоящем, так и с точки зрения антиципативных ожиданий.

Представляется целесообразным рассмотреть влияние знания на современную экономику, политику, культуру и ментальность. Эта тематизация и проблематизация фактически обозначает направление в исследовании и прогнозировании социального развития современной цивилизации. Все сказанное позволяет сделать вывод об актуальности данной темы и своевременности представленного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Проблеме социальных функций знания посвящено немалое количество исследований как отечественных, так и зарубежных авторов. Один из главных постулатов теории современного общества - особая роль науки во всех сферах социальной жизни. Общая теория роли знания была сформирована ключевыми фигурами новоевропейской философии, особая роль принадлежит представителям Просвещения и их последователям гуманистам XIX-XX вв. Бэкон и Декарт, Вольтер и Кант, Конт и Маркс сформировали классическую парадигму философствования, в рамках которой оценивались роль и

функции науки. Преодоление односторонних позиций сциентизма и анти-сциентизма позволило пересмотреть ряд позиций классического подхода.

Отправным пунктом данного исследования можно считать работу Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», в которой выдвигается гипотеза о том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания. Новое качество знания действительно формирует новый тип социальности, а новый тип социальности преобразует знание.

Изучение роли знания в традиционном обществе осуществляется философами антропологами и философами постпозитивистами, среди которых следует упомянуть Б. Малиновского, Т. Куна, С.А. Токарева, Дж. Фрейзера, К. Леви-Строса. Знание в античности и средневековье, а также в период научной революции Нового времени проанализировано в трудах А.В. Койре, А.Д. Рожанского, Д. Холтона.

Рассмотрение социального контекста познания осуществляли И.Т. Касавин, Г.С. Батищев, Й. Стахова, В.Н. Порус, А.А. Ивин, Т.Л. Габришкова, Б.И. Пружинин, П.П. Гайденок, Н.С. Автономова.

Познание как социальный процесс и его бытийные основы подвергались исследованию в работах социальных философов и социологов. Одним из первых к проблеме знания в социальном контексте обратился Т. Парсонс. Его концепция, получившая название структурного функционализма, уделяет большое значение роли знания в символическом взаимодействии социальных подсистем. Линию Парсонса продолжили Н. Луман и Н. Смелзер.

Бытийный аспект социальной коммуникации разрабатывался венгерским философом Д. Лукачем. Кибернетическое рассмотрение функционирования знания предложили Д.Н. Урсул и А.И. Ракитин. Теоретико-познавательные и социально-философские грани процесса социального

взаимодействия в феноменологической перспективе исследовались П. Бергером, Т. Лукманом, Л.Г. Иониним, В.М. Розиним.

Среди крупнейших ученых нынешнего столетия можно отметить В.Дильтея, О.Шпенглера, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, А.Тойнби, К.Поппера, наметивших нетрадиционные подходы к изучению и осмыслению исторического процесса.

Среди современных отечественных исследователей, наибольший интерес, на наш взгляд, представляют работы Н.С. Розова, В.М. Межуева, А.Я. Гуревича, П.С. Гуревича, С.С. Неретиной, М.А. Чешкова, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, Б.А. Успенского, Н.Б. Маньковской, Е.Б. Рашковского, К.В. Хвостовой и многих других.

Важное место социальные функции знания занимают в теориях футурологов, таких как В.В. Кузин, И.В. Бестужев-Лада, А. Тоффлер, Д. Белл, А. Портер, Г.Т. Молитор.

Объектом исследования является знание как функциональный элемент социальной жизни в современном обществе и как фактор практического освоения мира.

Предмет исследования - диалектика социальных преобразований, содержательно изменяющая функции знания в деятельности политической, экономической и культурной подсистем.

Цель исследования - рассмотреть генезис и эволюцию социальных и социообразующих функций знания в контексте системных и структурных изменений современного общества. Подвергнуть анализу новое качество, приобретенное знанием при переходе к современному обществу, его функции в различных социальных подсистемах и в их взаимодействии.

Задачи исследования:

- рассмотреть социальные функции знания и определить место и роль социообразующих функций знания в данной системе;

- выявить и описать новые когнитивные возможности, позволяющие понять природу знания и его социальные функции;

- подвергнуть анализу эволюцию социальных и социообразующих функций знания в контексте теорий индустриального и постиндустриального общества;

- выявить закономерности развития и применения знания при переходе от индустриального общества к постиндустриальному;

- исследовать новое понимание знания в контексте бинарной оппозиции «обыденное – теоретическое»;

- в свете эволюции социообразующих функций знания рассмотреть модернизацию науки и образования.

Методологическую и теоретическую основу исследования составляет тесное единство социально-философской и социально-теоретической аналитики. Особое значение в работе приобретает принцип дополнительности описаний, позволяющий сочетать требования объективности и историзма с новейшими методиками исследования. Автор опирался на труды отечественных и зарубежных исследователей, использовал историко-философский, социально-философский и социологический материал, работы теоретиков управления, образования и футурологов.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

- обоснована действенность формационного подхода в определении системности и динамики социальных функций знания, указаны наиболее продуктивные модели (марксизм, теория индустриализации) реконструкции данного объекта;

- выявлены эвристические возможности реализации деятельностного подхода в современной теории познания, применительно к изучению социальных функций знания, обоснована необходимость инструментального определения знания;

- показано усложнение механизмов социального функционирования знания в ходе эволюции европейской цивилизации от античности до Нового времени;

- показано, что в условиях постиндустриального общества центром социальных изменений становится сфера социальных технологий, а влияние производственных технологий ослабевает;

- обосновано, что областью применения социальных технологий является не пространство теории, а сфера повседневных значений и языка;

- определено новое социальное качество науки и образования в условиях изменения социосозидающих функций знания в контексте его функционирования в современном обществе.

С учетом указанных пунктов научной новизны на защиту выносятся следующие основные положения:

1. Социальные функции знания отчетливо проявляются еще в доисторическом обществе и древних цивилизациях. Универсальный набор функций знания присутствует во всех обществах. В данном наборе присутствуют социообразующие функции, отвечающие за формирование институциональных и структурных порядков общества. Социообразующие функции знания образуют подсистему в рамках системы всех социальных функций знания. Это инструментальная, коммуникативная и экзистенциальная функции.

2. Развитие современной теории познания расширяет понятие рациональности, что открывает новые возможности в объяснении механизмов социального функционирования знания. Различение инструментальной и коммуникативной рациональности позволяет понять деятельностьную природу знания и объяснить знание вне корреспондентной теории истины. Не только информация, но и знание как таковое является ресурсом и инструментом социального действия.

3. Социальная жизнь европейского общества радикально изменяется под воздействием научного и технического прогресса, рождая индустриальное общество. Индустриализация также не изменяет перечня функций, хотя и трансформирует условия их выполнения, как технические, так и социальные. Соответственно, эволюционирует и социально значимое знание, изменяются механизмы его продуцирования, репродуцирования, консервации и трансформации. Формирование экономической и политической подсистем постиндустриального общества знаменуется более тесной их взаимосвязью и даже частичной интеграцией. Главным источником данного процесса является углубление и расширение социальной роли знания, когда наука, будучи главным его источником и регулятором, превращается в производительную силу. Новые технологии получения и применения знания превращают его в информацию.

4. Постиндустриальное общество возникает как следствие переноса центра нагрузки из области промышленного производства в область социальных и интеллектуальных технологий. Социальные технологии позволяют решать большинство возникающих перед обществом задач не путем изменения уровня промышленного производства, а за счет преобразований в социальной сфере и изменений в сфере дискурса.

5. Традиционное проектирование является родовой чертой индустриальной цивилизации, вектор развития которой в этой области был направлен в сторону максимальной дифференциации сфер компетенции и продуцирования. Преодоление данной тенденции заключается в том, чтобы вновь соединить процессы разработки и реализации в сфере повседневности. Поэтому главным объектом социальной технологии становится интрасубъективный жизненный мир.

6. Наука и образование становятся важнейшими инструментами разработки и внедрения социальных технологий. Именно это заставляет распространить действие процесса образования на все возрастные группы

общества, сделав его действительно непрерывным. Наука в постиндустриальном обществе и постмодернистской культуре начинает играть роль социального медиатора и выполнять конструктивно-настроечные функции.

Теоретическая и практическая значимость работы. Основные выводы и материалы диссертационной работы могут быть использованы при построении теории современного общества, совершенствовании социального управления и образования. Они нашли практическое применение в учебном процессе при проведении лекционных и семинарских занятий со студентами вузовских аудиторий. Содержание диссертации может быть использовано в педагогической практике, в процессе преподавания социально-гуманитарных наук в высшей школе, при чтении курса социальной философии по темам: «Социальная информатика», «Социальное прогнозирование», «Социология познания». Исследование представляет интерес также для историков, социологов и социальных работников. Научно-теоретические результаты диссертационного исследования могут быть использованы в работе методологических семинаров, в системе массового просвещения, при разработке спецкурсов по социальной философии, в дальнейшей научно-исследовательской деятельности.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на ряде региональных, межвузовских и внутривузовских научных конференциях и симпозиумах, а также обсуждались на методологических семинарах в Пятигорском государственном технологическом университете. Основные положения диссертации изложены в шести публикациях общим объемом 3,5 п.л.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов и заключения. В конце работы помещены примечания и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, рассматривается степень ее научной разработанности, формулируются цель и задачи исследования. Указываются элементы новизны, излагаются основные положения, выносимые на защиту, определяются теоретико-методологические основы исследования, освещается теоретическая и практическая значимость работы, ее апробация.

Первая глава - «Эволюция социальных функций знания в традиционном и индустриальном обществах» - состоящая из 3-х параграфов, содержит анализ концептуальных возможностей исследования, экспликацию понятия социообразующих функций знания, их место и роль в системе социально значимого знания.

В первом параграфе - «Проблема определения функций знания и многообразии форм социального опыта» - содержится анализ различных концепций роли и функций знания в социальной жизни. Особо рассматриваются теоретические и методологические основания исследования социообразующих функций знания. Под социообразующими функциями знания в работе понимаются те социальные функции знания, которые ответственны за формирование институционального и структурного порядка общества. Социообразующие функции знания проявляются в процессе социальной самоорганизации. К числу социосозидающих функций знания относятся инструментальная, коммуникативная и экзистенциальная функции.

Исследование места социообразующих функций знания в общем массиве социальных функций знания опирается на новейшие достижения социальной философии и на классические концепции обществоведения, восходящие к идеям просветителей и основоположников социальной мысли.

Теоретики индустриального и постиндустриального общества также обращают внимание на все возрастающую роль знания. Но количество в большинстве своем не переходит еще в качество. Важной вехой в понимании социальной значимости знания становится теория информационного общества. Эта теория позволяет провести новую дифференциацию знания, показывая многообразие типов знания и многообразие путей его использования. Распространение компьютеров дало совершенно новый эффект. Если прежде люди для того, чтобы воспользоваться знаниями должны были пропускать их через свое сознание, то благодаря системам электронной обработки информации (компьютерам, сетям и др.) знание начинает функционировать как информация. Оно рождается, распространяется, обрабатывается и применяется без постоянного прохождения через сознание, т.е. автономно. Общественное сознание может иметь дело со знанием, рожденным в результате деятельности технических устройств из другого знания без участия человека. Информация - это особый вид знания, функционирующий особым образом и дающий совершенно особый социальный эффект. Информация превращается в ресурс, сопоставимый с такими традиционными социальными ресурсами как человеческие, материальные, финансовые, а то и превосходит их.

Изменяется и роль обычного знания, которое по-прежнему требует понимания, объяснения и влияет на сознание. Благодаря новым технологиям продуцирования и репродуцирования знания его количество возрастает неограниченно. Необходимые для понимания контексты множатся до бесконечности, что превращает процедуру понимания в серьезную проблему. Множественность значений порождает потребность в целом классе интерпретаторов и экспертов. В этих условиях рождается новая некумулятивистская модель развития науки.

Критические рационалисты, постпозитивисты, релятивисты, сторонники диалектического метода и исторического материализма во второй

половине XX века все более подвергают сомнению то положение классической науки, согласно которому прошедшее специальную апробацию знание просто накапливается в распоряжении научного сообщества. Одним из наиболее веских аргументов против куммулятивизма явилась история науки, которая к середине XX столетия продемонстрировала революционную природу научной динамики. Оказалось, что системы знания изменяются путем их преобразования, которое иногда носит все признаки революции. Прежде чем рассматривать идеи и аргументы различных участников дискуссии, следует обратиться к т.н. цивилизационному подходу, который, вне всякого сомнения, оказал существенное влияние на постпозитивистов и критических рационалистов.

Выбор между формационным и цивилизационным подходами не входит в задачу данной работы. Здесь уместно лишь рассмотрение возможных последствий допущения идеи множественности культур. Допустим, что различные культуры рожают различные математики, различные физики и т.п. Но рожают ли эти культуры различные типы обществ, различные институциональные порядки и прочее? Следует ли из принятия цивилизационного подхода сомнение в том, что мы можем представить некий универсальный набор социальных функций знания или в рамках каждой цивилизации этот набор один и тот же? И, наконец, какова роль знания в современном обществе, есть ли отличительные особенности? Ответы на данные вопросы и составляют программу диссертационного исследования.

Итогом рассмотрения становится утверждение о том, что универсальный набор функций знания присутствует во всех обществах и цивилизациях. В разные периоды проявляется специфика функционирования знания, но все эти функции востребованы. Существуют различные условия и механизмы получения, хранения и изменения знания, но они не интересу-

ют нас, ибо мы не рассматриваем действие человека на знание, а лишь действие знания на человека, на общество.

Во втором параграфе - «Социальные функции знания в контексте современной теории познания» - актуализируются новейшие разработки в области эпистемологии, позволяющие лучше понять соотношение социальной и рациональной природы знания.

Современная эпистемология конституирует себя через преодоление картезианской парадигмы. Крайне важным элементом картезианской парадигмы является иная процедура абстрагирования и теоретизирования, нежели та, которая сложилась в результате философских концепций античности. С точки зрения картезианской парадигмы, использование знания является столь же прямым и непосредственным, как и с точки зрения схоластической философии. Поэтому их можно объединить под общим названием классической теории знания. Классическая теория знания полагает, что знание позволяет человеку объяснять, понимать, проектировать, давать оценку. Критика классической теории знания велась скептиками и иррационалистами с античных времен до наших дней. Однако лишь во второй половине XIX века произошло рождение неклассической точки зрения как некоей конструктивной идеи усложнения универсального для всей предшествовавшей философии понятия разума.

Одна из линий критики классической теории знания опирается на романтическую или гуманитарную культурно-философскую традицию, где философия причудливо сочетается с иными способами познания мира и прежде всего с искусством. М. Хайдеггер утверждал, что Новое время - это «время картины мира», т.е. превращение мира в объект, в изображение.

Не менее важным элементом нового подхода является и отказ от теоретического определения целей. Знание необходимо для целеполагания, причем такое знание, которое может быть положено вне вопросов о

его истинности или объективности. Здесь знание не всегда выступает как цель, но и как средство. Но самое главное, знание выступает, прежде всего, как один из важнейших инструментов.

Первые три функции знания (объяснительную, прогностическую и целеполагающую) можно отнести к стратегической рациональности, ибо они связаны с непосредственным употреблением разума и характеризуют человека как рациональное существо. Остальные (мировоззренческую, аксиологическую, коммуникативную, компенсаторную) - к коммуникативной рациональности.

Более того, данные знания, понятия, смыслы и эмоции могут стать предметом использования не по назначению. Например, эти социально значимые знания может эксплуатировать авторитарная или тоталитарная власть, навязывая себя в качестве «отца» для всех членов данного общества. Весьма интересным примером полезного применения знания, полученного по другому поводу дает нам архаичное мышление, которому были присущи анимизм, гилозоизм, антропоморфизм и социоморфизм. При помощи очевидно ложных представлений человек смог организовать свою деятельность гораздо более эффективно, чем если бы он вообще не предпринимал попыток представить мир как некий порядок и некое целое. Сегодня социальные науки считаются отстающими от естественных. Но распространение социального опыта на природу началось раньше, чем распространение опыта взаимодействия с природой на общество. Хотя и последнее случилось достаточно рано - в период зарождения института рабства.

Деятельностный подход в теории познания позволяет рассматривать само знание как инструмент деятельности. Социальные функции знания могут быть подразделены на инструментальные и познавательные. Другими словами, знание может быть использовано как непосредственно, так и опосредовано. Первый вид знания соотносит познающего с реальностью, а

второй ориентируется на критерий эффективности. Например, знание оказывается одной из составляющих коммуникации (коммуникативная функция), при этом выпадая из концептуальной оппозиции «истина - ложь». Таким образом, разделяя все виды использования знания на непосредственные и инструментальные, мы утверждаем, что в разных контекстах оно может играть различные роли. Первоначально человек стремится к знанию лишь для того, чтобы прогнозировать будущее и проектировать собственные действия. Но затем, накапливая знания и применяя их для указанных целей, он учится использовать их как инструменты для построения общества, культуры, коммуникации.

В третьем параграфе - «Системообразующая роль знания в традиционном обществе и становлении индустриальной цивилизации» - анализируется совокупность процессов, вызвавших к жизни новую цивилизацию, а также значение знания в них. В модернизирующихся обществах социальный и духовный прогресс сопровождается снятием тех запретов, которые выполняют функцию консервации социально значимых знаний посредством их овеществления. Эти запреты препятствуют прогрессу, ибо они консервируют сами типы поведения и ограничивают все остальное.

Не менее важным остается вопрос о том, как можно построить институциональные порядки в тех условиях, когда знания быстро меняются. Этот вопрос вынуждены решать все стремительно модернизирующиеся общества. Далеко не все теоретики его осознают в полной мере. Настоящие прогрессисты и радикальные либералы считают, что свободы много не бывает и чем свободнее человек, тем он ближе к реализации собственной природы, собственного блага и назначения. На самом же деле, институты должны измениться таким образом, чтобы по-прежнему хранить знания и создавать условия для их применения. Но при этом в механизмы их

реализации должно включаться рассуждение. И рассуждение радикально преобразовывает институты.

Следует согласиться с теми, кто вслед за М. Вебером подчеркивает, что право как верховный принцип организации и регуляции социальной жизни явилось главной причиной обретения наукой статуса институциональной автономии. Кодификация научных норм и правил в методологии и в уставах научных академий преобразовала научную практику таким образом, что последняя действительно стала общественно значимым производством.

Говоря о связи власти, права и знания при формировании и развитии индустриальных обществ, следует обратить внимание на организацию деятельности научного сообщества. Эта деятельность фактически копирует деятельность других когнитивных систем - судов: Правоприменение в каждом конкретном случае не является актом непосредственного утверждения или подтверждения чьего-то права. Этому акту часто предшествует судебное разыскание истины, то есть реконструкция события, произошедшего в прошлом и предположительно являющегося нарушением чьих-то прав.

Поиски истины судом организованы таким образом, чтобы процесс доказательств вины являлся публичным, демонстративным и обусловленным формальными процедурами, минимизирующими субъективные оценки, искажения вызванные чьими-то интересами по сокрытию истины и другими подобными вещами. Для этого правосудие является состязательным: обвинение выстраивает аргументацию, а защита стремится ее разрушить.

Как уже отмечалось в первом параграфе, рождение индустриальной цивилизации явилось результатом стечения многих факторов. В XIX веке рождаются теории капитализма как индустриального общества, где индустрия рассматривается как локомотив, движущий всю социальную систему

и перестраивающий ее. А наука здесь выступает как машинист, то есть как организатор этого движения.

Греческая философия, римское право, протестантская этика, демократически организованная власть, рыночная экономика формируют индивида, для которого характерны «психологическая приспособляемость к изменениям и восприятию нового; рациональность мышления и вера в силу науки и медицины; способность к выбору - принятие самостоятельных решений относительно собственной судьбы; индивидуализм; стремление к самоутверждению; честолюбие, проявляющееся как в отношении к самому себе, так и к своим детям; сильный интерес к политическим вопросам и склонность к формированию и сохранению политических взглядов, которые могут быть отличны от мнения своей семьи, других жителей»¹. Такие индивиды, в свою очередь, поддерживают современный социальный порядок.

При переходе от традиционного общества к индустриальной цивилизации нарушается баланс между тремя функциями, инструментальная функция становится более важной в ущерб остальным. Итогом рассмотрения здесь является утверждение о том, что знание не только играло роль цели и средства социального развития, но и во многом предопределяло его как действующая причина.

Вторая глава – «Трансформация системообразующих функций знания при переходе к современному обществу», состоящая из трех параграфов, представляет собой исследование, нацеленное, прежде всего, на анализ реконструирования сущностных перемен в способе и механизмах функционирования знания в новых условиях, рождаемых современным обществом.

¹ Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социологические исследования - 1995 - № 3 - С. 34

В первом параграфе - «Постиндустриальное общество: от промышленных технологий к технологиям социальным» - обосновывается тезис о смене главного вектора социального развития при переходе к современному обществу.

В данном параграфе уточняются и сопоставляются все основные теории модерна. Эксплицируются понятия постиндустриального, информационного, постмодернистского и иных типов общества. Теоретики постиндустриального общества вовсе не утверждают, что производство уже не играет в нем сколь-нибудь значимой роли. Производство по-прежнему жизненно необходимо и с его исчезновением исчезнет и общество, а выжившие индивиды вернутся к более примитивным формам. Термин «постиндустриальное» обозначает определенный уровень развития производства, когда оно уже не является социально организующим началом. Оно перестает быть главной проблемой и главным источником социальной жизни.

Особое внимание в данном параграфе уделяется рассмотрению компьютерной революции. Компьютеры позволили накапливать знание не только в виде прежней текстовой формы, но и в новых видах. Такое знание уже не требовало узкой специализации, ибо превращалось в один из видов информации. Приобретение информацией данных свойств превращает его в знание. Таким образом, можно говорить о том, что сравнение знания с другими формами информации позволило увидеть его с новой стороны. Прежние теории знания рассматривали его как важнейшую составляющую мысли и практически отождествляли знание с содержанием мысли, если мысль являлась истинной. Знание как содержание никогда не определялось через форму, если речь, конечно, не шла о таких метаобразованиях как теория или учение. Благодаря компьютерному пониманию информации были выявлены отличительные черты знания, являвшиеся его формальными признаками.

Прежде всего, необходимо рассмотреть, что может считаться технологией социального проектирования, а также ответить на вопрос, возможны ли рациональные его преобразования без вмешательства в сферу ценностей? Может ли человек или группа людей что-либо изменить в структуре общества по своему желанию, подвергнуть ревизии и перестройке порядки и институты, критически переосмыслить ценности?

Можно предположить, что глобальное социальное проектирование, основанное на предвидении, составляет собой одну из родовых черт индустриального общества. Постиндустриальное общество значительно осторожнее относится к человеческим возможностям в деле постижения общества и, тем более, в деле его преобразования. Слишком много трагических ошибок и преступлений совершено в истории XX века на путях разумного социального переустройства. Но и отказаться от данной идеи человек не в силах.

Ближе к концу XX века общество все более и более привыкло к мысли о том, что социальные технологии не таят в себе тех опасностей, о которых говорили консерваторы. Необходимо только исключить влияние идеологии на социологию и на управление. Тезис о деидеологизированном обществе и сегодня разделяют далеко не все, но вот идею использования социальных технологий на среднем уровне и микроуровне общества, мало кто возьмется отрицать.

Таким образом, говоря о проектной онтологии, следует иметь в виду необходимость четкого определения основных компонентов социального мира и наделением их статусом объективно существующих. Но в том - то и дело, что социальная реальность отличается от природной весьма радикально. Не будем забывать, что даже для физиков проблемой является объективное разбиение мира на элементы, а в различных областях физического знания существует различная логика и прагматика данной элементаризации. Причина данной проблемы кроется в новоевропейской теории

познания, где познающий субъект конструирует предмет исследования. Но в случае социальной науки степень сложности возрастает неоднократно. Дело в том, что социальная реальность не является ни субъективной, ни объективной. Она распадается на субъективную и объективную реальности не так отчетливо, как в других науках.

Во втором параграфе - «Повседневность как пространство функционирования социальных технологий» - рассматриваются условия продуцирования и применения социальных технологий в современном обществе, одним из отличительных признаков которого явилось переоткрытие повседневности как особой сферы рациональности, отличной от философской и от научно-теоретической рациональности. Как показали феноменологи, главным коррелятом вещей является смысл, что по праву было распространено на так называемые социальные вещи. Обращение к смыслу, его концептуализация с неизбежностью актуализировали новое понимание языка, что привело, как уже указывалось в предыдущей главе к лингвистическому повороту. Если раньше понятие смысла считалось очевидным и фактически отождествлялось с понятием содержания в тех случаях, когда речь шла о высказываниях людей, а также об их действиях, то в результате лингвистического поворота данный концепт стал главным средством репрезентации ментальных, социальных и иных процессов человеческого бытия.

Особое значение данные изменения имели для социальной философии. Если обыкновенные (физические) вещи, даже рукотворные не только имеют смысл, но и наделены целым рядом физических, химических и технических параметров, то социальные вещи не имеют ничего кроме значения. Они значат постольку, поскольку наделены некоторым смыслом. При этом совершенно неважно, идет ли речь о действиях, отношениях или институтах — все они являются осмысленными. В них вкладывается некий

смысл их исполнителями и этот смысл адресован всем остальным членам общества, либо избранным индивидам, участникам интеракции.

Социальные философы адаптировали для своих нужд феноменологическое понятие жизненного мира. Они трактуют жизненный мир как имеющийся запас знания, которым располагает и пользуется человек в процессе своей жизнедеятельности. Язык представляется той самой сферой, в которой должны быть реализованы предпосылки эффективных социальных технологий. Все прежние попытки технологизации социальной жизни опирались исключительно на теоретические конструкции, и в этом была их слабость. Слишком значительным является расхождение между теорией и жизнью. Поэтому столь важным является поиск промежуточного звена, в качестве которого и предстает повседневность.

Язык формирует социальный запас знания, который позволяет разным людям осознавать собственный социальный статус и социальные статусы других людей как некие данности.

Социальные технологии действительно должны быть ориентированы на достижение задач, связанных с повышением социальной эффективности. Но, при этом, технологи обязаны решить проблему невмешательства в то, что принадлежит сфере человеческой экзистенции. Моральные запреты, сформулированные в иные эпохи, должны быть переосмыслены применительно к нынешней ситуации. Сегодняшние реформаторы часто забывают о контекстуальности и историчности определения условий свободы, провозглашая ее интуитивно ясной и универсальной ценностью. Как отмечают сторонники культурно-исторического плюрализма, человек ощущает себя свободным в том случае, когда его бытие соответствует его собственным представлениям о свободе и несвободе.

Параллельно с технологизацией социального действия и даже раньше произошла технологизация мышления. О ней уже говорилось при рассмотрении концепции информационного общества. Как отмечают совре-

менные эпистемологи, мышление представляет собой манипулирование не понятиями или суждениями, а фреймами, моделями и сценариями. Поэтому можно говорить, что социальные технологии – это третий этап модерна. Первый этап начинается в XVII веке и знаменует собой переход к новой системе вещей. Второй этап начинается в XX веке – это этап технологизации системы мышления. Третий этап начинается на рубеже тысячелетий и преобразует общество, то есть сферу человеческого действия.

В третьем параграфе - «Наука и образование в условиях изменения социальных функций знания» - производится комплексный анализ результатов исследования, приведенных в предыдущих параграфах данной главы применительно к двум сферам, где функционирование социально значимого знания определяется государственной политикой. Речь идет о науке и об образовании, которые всегда существовали «неслитно» и «нераздельно».

Наиболее отчетливым мотивом кризисного сознания является анти-сциентизм, выстроенный на фундаменте критики четырех возможных направлений прогрессивного развития общества: научном, техническом, социальном и моральном. В основе каждого из указанных направлений лежит своя, особая идея прогресса, в соответствии с которой мы считаем науку, технику, социальные структуры или моральные нормы сущностным элементом каждого общества. Более того, мы делаем выбор в пользу одного из указанных четырех элементов, полагая три остальных подчиненными или даже производными от одного «первичного». Поэтому можно выделить четыре главных типа кризисного сознания. Каждый из типов строится с учетом того, что объявляется истоком и причиной кризиса.

Научный прогресс как идея и идеал эпохи Просвещения основывается на антропологической максиме, представляющей человека не просто разумным, но, в первую очередь, знающим существом. Если в античности под разумом понимали нечто уже готовое и сформировавшееся, данное раз

и навсегда, существующее в неизменном виде, то в новое время человеческий разум стал динамическим феноменом, возникающим из естественных (биологических) свойств и развивающимся путем достижения все новых знаний и умений. Отсюда и радикальное изменение теории знания: не к метафизическим «первым принципам» стремится исследователь, а к участию в неограниченном и бесконечном процессе познания. Познание ради познания созидает нового человека (человека познающего), оно же становится неотъемлемой чертой социальной жизни, сущностным свойством современного общества как такового.

В параграфе обосновывается тезис, согласно которому ценностный кризис как следствие разрушения системы целей и ценностей всегда есть перестройка механизмов целеполагания. Процесс целеполагания объединяет волевые импульсы с разумными инициативами, синтезируя сознательное и бессознательное, рациональное и эмоциональное. Если в древнем и средневековом традиционном обществе ценностный кризис представлял собой прежде всего нарушение устоявшихся целей и предпочтений, то в современном мире переоценка ценностей носит процессуальный характер, будучи обусловленной прежде всего логикой морального прогресса, вернее ее нарушением или сбоем.

Современная эпоха может с полным основанием называться эпохой образования. Образование становится тем фактором социального развития, который детерминирует деятельность всех без исключения систем и подсистем, определяет их динамику и функциональность. И сегодня, как никогда, образование должно быть единым как мировоззренчески, так и методологически. А противопоставление гуманитарного и естественнонаучного знания столь же обосновательно, как и противопоставление естественнонаучной и гуманитарной культур.

В этих условиях наука действительно превращается в самопознающую систему. Саморефлексия науки оборачивается саморефлексией обра-

зования, ибо эти когнитивные автореферентные системы давно уже вышли из состояния, когда они были средствами для достижения тех или иных социально значимых целей. Они обрели статус субъекта и способны сами выработать социально значимые цели.

В «Заключении» подводятся основные итоги исследования и намечаются пути дальнейшего изучения функциональных изменений в социально значимом знании. Подчеркивается, что социообразующая функция знания в современном обществе становится доминирующей как по отношению к другим функциям знания, так и по отношению к другим социообразующим факторам. Знание становится главным ресурсом социальной организации и самоорганизации.

Из фондов Российской национальной библиотеки

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Чирков А.Н. Системообразующая роль знания в процессе развития цивилизации / Модернизация общества и сферы социальной жизни. Сборник научных статей. - Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2002. Выпуск 1. – 0,3 п.л.

2. Чирков А.Н. Социальные функции знания в открытых и закрытых обществах / Модернизация общества и сферы социальной жизни. Сборник научных статей. - Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2002. Выпуск 1. – 0,5 п.л.

3. Чирков А.Н. Функции и роль знания в обществе / Социально – философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. - Пятигорск, 2002. – 0,8 п.л.

4. Чирков А.Н. Повседневность как пространство функционирования социальных технологий / Социально – философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. - Пятигорск, 2002. – 0,9 п.л.

5. Чирков А.Н. Наука и образование в условиях изменения социальных функций знания / Социально – философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. - Пятигорск, 2002. – 0,8 п.л.

6. Чирков А.Н. Постиндустриальное общество: от промышленных технологий к технологиям социальным // Научная мысль Кавказа. Приложение № 10. – 2003. – 0,2 п.л.

Подписано к печати 24. 10 2003 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
1,2 усл. печ.л., 1,8 уч. изд. л.
Тираж 100 экз.

Издательство Пятигорского государственного
технологического университета
357500, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56.
Лицензия № 000341 от 24. 01 2003 г.

Отпечатано в типографии Пятигорского государственного
технологического университета
357500, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56

2003-A

19682

19682

Из фондов Российской национальной библиотеки